

Борис Докторов

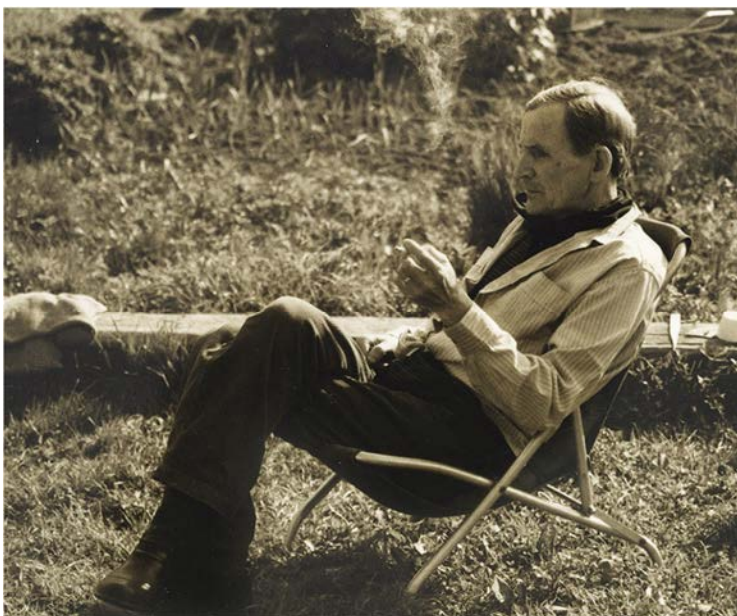
Аскольд Кузьминский: ЕГО ТВОРЧЕСТВО ЗНАКОМО МИЛЛИОНАМ, ЕГО ИМЯ ЗНАЮТ НЕМНОГИЕ

Я благодарю К. А. Кузьминского за ценные консультации при работе над этим очерком об его отце и оформлении текста

*75 летию со дня рождения
Аскольда Ивановича Кузьминского посвящается*

Прежде всего раскрою смысл заголовка.

Петербуржским графиком и дизайнером Аскольдом Ивановичем Кузьминским (1938–2005) — создана эмблема петербургского метро — буква «М», с которой все настолько сроднились, что не замечают её. Ему принадлежит эмблема Елисеевского магазина. Это — самый известный и красивый в городе

продуктовый магазин, отмечающий исторический центр Санкт-Петербурга. В 1995 году Кузьминским была завершена полуторагодовая работа над логотипом Государственного Эрмитажа; его можно увидеть на афишах, книгах и альбомах, издаваемых музеем, на входных билетах и буклетах выставок. Все это незаметно вошло в художественную, культурную атмосферу города, стало ее составной частью. Существует без авторства, живет само по-себе. Как народная песня.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Но есть в его наследии и работы принципиально иного плана, утонченные и загадочные. Летом 2012 года в Петербурге в музее Анны Ахматовой проходила выставка ее портретов. В официальной информации об этом событии отмечалось, что выставка открывалась графическим портретом Ахматовой, нарисованным Амедео Модильяни. Также на ней были представлены канонические изображения поэтессы, созданные Николаем Тырсой, Владимиром Фаворским, Аскольдом Кузьминским, Гавриилом Гликманом и ряд других работ. Кто знаком с историей российской графики, согласится с тем, что Кузьминский здесь назван в ряду выдающихся художников. Этот портрет Ахматовой (о нем — ниже) — яркий пример стиля Кузьминского. Несколькоими линиями создан оригинальный портрет Ахматовой, в котором соединены классические образы поэта, восходящие к Модильяни и Натану Альтману.

По отзывам специалистов, Кузьминский был замечательным рисовальщиком, ему удалось создать особую легкую, изящную линию, придававшую его новым графическим знакам классическую завершенность и выразительность. Мне кажется, его работы — истинно петербургские, глубоко интеллигентные.

В силу многих обстоятельств жизнь Кузьминского сложилась так, что, хотя сделано им было немало и работы его получали признание, он оставался известен прежде всего в узком кругу людей, знавших его лично. Он не выставлялся на крупных художественных выставках, о нем не писали центральные газеты, он не делал портреты передовиков производства, его не осаждали журналисты. Он не стремился к расширению профессиональных контактов, не участвовал в гонках за грантами. Не сидел в президиумах и не был диссидентом. Его влекла тонкая, камерная работа, он искал простые, негромкие выразительные средства. И всегда был скромным, даже стеснительным.

Художничество не вписывается в мою профессиональную деятельность, и я не решил бы писать о Кузьминском как о графике, если бы ни одно принципиальное

обстоятельство. В конце июня этого года Андрей Алексеев в рамках развиваемого им Проекта «Семейная хроника» опубликовал мою заметку о Лидии Коновой, которая принципиально пополнила мои знания об отце [1]. Он был художником, и А. Алексеев разместил мой текст под заголовком: «Сбережение памяти о ленинградских художниках». Данные заметки об Аскольде Кузьминском это и «сбережение памяти» о художниках нашего города, и часть моей семейной хроники. Дело в том, что в начале теперь далекого 1962 года Аскольд женился на моей сестре Ольге, и вместе они были свыше сорока лет¹. До момента его смерти. В 2012 году не стало и ее.

Аскольд родился в селе Рослятино в 60 км. от Вологды. Школу он закончил в Грязовце, в те годы, я давно там не был, — тихом городе, в котором и сейчас проживает 15–16 тыс. человек. Знал я неплохо и его родителей — провинциальных интеллигентов, десятилетиями несших образование детям, обиженным судьбой. Мать преподавала русский язык и литературу в школе для детей с нарушенным слухом, отец возглавлял школьное образование в Грязовецком районе, а потом долгие годы был директором выстроенной им школы-интерната для слепых и слабовидящих детей и учил их истории. Еще школьником Аскольд начал рисовать, первые профессиональные уроки ему дал учитель рисования. Возможно, что родители хотели, чтобы он продолжил преподавательское дело, имея серебряную медаль, Аскольд поступил на физический факультет Вологодского пединститута. Но через год или два, в 1958 году, уехал в Ленинград и начал учиться в Ленинградском художественно-графическом училище.

В нашу семью он пришел, когда заканчивал обучение в училище. Он недолго преподавал рисование в школе и в 1963 году нашел работу в новой по тем временам области прикладной графики — в Ленинградском институте дизайна. Там он стал ведущим специалистом, выполнил свыше 200 дизайн-проектов и получил 38 авторских свидетельств. Его работы экспонировались на выставках в Ленинграде, Москве, Штутгарте, Загребе, Бомбее, Будапеште.

Несколько лет Кузьминский учился на заочном отделении Московского полиграфического института, но оставил его. Ничего это обучение не могло ему дать. К карьере он не стремился, а в профессиональном отношении давно перерос студенческий уровень. Он собирал дома коллекцию книг и альбомов по многим направлениям изобразительного искусства и изучал все самостоятельно. Он был энциклопедически образованным в области графического искусства. Я помню беседы с ним о линии у Дюрера и Леонардо, Пикассо и Дали. Я тогда учился на математико-механическом факультете ЛГУ, и линия для меня была лишь набором точек опре-

деленного свойства. Уже в первой половине 1960-х Аскольд говорил об эстетике линии, о том, как через ее восприятие зритель формирует образ изображаемого предмета. Постепенно он шел к своей графике. Она – не статична, не обременена деталями, призывает зрителя к сотворчеству.

В начале 1990-х количество государственных дизайн-проектов резко сократилось, постоянной работы не стало, соответственно, не было и постоянного, пусть хоть небольшого, дохода. Своей мастерской у Кузьминского никогда не было, он работал дома. Семья: Оля, Аскольд и их сын Константин жили в коммунальной квартире на тихой Кавалергардской улице вблизи Таврического сада.

Аскольд брался за многое. Разрабатывал фирменный графический стиль для различных организаций Петербурга, несколько лет был главным художником Театрального музея в Санкт-Петербурге, выполнял заказы для телевидения, в частности — для «Пятого колеса», делал плакаты, афиши, каталоги, упаковку для чая и т.п.

Две работы Кузьминского в области книжной графики: иллюстрации к 2-томнику сочинений Эдгара По (1995 г.) и к книге Даниила Гранина «Вечера с Петром Великим» (2000 г.) представляются мне особенно интересными. В них отражена творческая философия художника, его уникальный стиль и собственная техника работы.

На столе он раскладывал листы бумаги, чертежные инструменты: рапидограф, параллельная линейка с внутренним валиком и черную тушь, тонкий фломастер, шариковую ручку. Тщательно и скрупулезно он работал с каждым штрихом, линией деталью.

Из серии иллюстраций Кузьминского к новеллам Эдгара По приведу лишь одну, к мистической истории «Колодец и маятник». Напомню ее фабулу: приговоренного к смертной казни держат в камере с сжимающимися железными стенами; сам он привязан к скамье, и над ним раскачивается медленно опускающийся маятник-нож. Финал этой истории — оптимистический: выдержка, самообладание и вовремя пришедшая помощь спасают заключенного, однако на картинке отражен момент ужаса человека, который борется за жизнь, но понимает, что через минуту-другую наступят мучения и смерть. Интересно, здесь нарушена одна из культурных традиций: белое пространство олицетворяет зло, это — давление на человека, он почти расплюсчен; а черная мышь — это добро. Она перекусила ремень, которым был связан человек, и, тем самым, помогла ему немного отползти от ножа. Этого мгновения оказалось достаточно для спасения...

Приводимая иллюстрация к «Вечерам с Петром Великим» одновременно дает представление о художественном стиле Кузьминского и точно передает содержание и дух очень необычного романа Гранина: сплав современного и исторического, реального и вымышленного, собственно петербургского и пространственно неопределенного, — можно допустить — ленинградского. Лишь контуром намеченные четыре «реальных» человека что-то обсуждают, но даже не с «черным человеком», а кем-то как-бы потусторонним. Эта фигура не отражает свет, она его поглощает. Ведь по законам физики, оптики вещь, расположенная ближе к источнику света, чем все остальные освещенные предметы, должна быть более яркой, светлой, чем они. И уж во всяком случае, никак не черной. И это нарушение логичного превращает беседу в сеанс спиритизма, в общение с духом. Баланс черного и белого обеспечивается висящей на арочной части явно петербургского окна черной летучей мышью. Она — слепая слушает беседу, представляя здесь Петра, который тайно наблюдает все происходящее, возможно, с улицы, но, возможно, из другого мира. Здесь все очень личностное, я легко определяю реальные прообразы облика Петра 1 и фигуры «черного человека», но вместе с тем, здесь есть нечто от работ средневековых графиков: динамика черного и белого, летучая мышь, иезуитское лицо левого мужчины в очках.

Так случилось, что на той же Кавалергардской улице (тогда она называлась улица Красной Конницы) жила Анна Андреевна Ахматова, и мы с сестрой учились в одной школе с Анной Каминской², внучкой известного историка искусств Николая Николаевича Пунина, который был мужем Ахматовой. Потом моя сестра и Аня учились на искусствоведческом факультете Академии художеств, и Аня познакомилась с Аскольдом, который был другом ее будущего мужа, художника Леонида Зыкова³. Никто не мог знать, что эта дружба пройдет через всю нашу жизнь и многое в ней будет согрето воспоминаниями о регулярных, прежде всего осенне-зимних, встречах в Комарово на маленькой даче Ахматовой, которая в ее стихах помечена как Будка. Так что портрет Ахматовой, упомянутый выше, не случаен в творчестве Кузьминского, он навеян и ее стихами, и

той же Кавалергардской улице (тогда она называлась улица Красной Конницы) жила Анна Андреевна Ахматова, и мы с сестрой учились в одной школе с Анной Каминской², внучкой известного историка искусств Николая Николаевича Пунина, который был мужем Ахматовой. Потом моя сестра и Аня учились на искусствоведческом факультете Академии художеств, и Аня познакомилась с Аскольдом, который был другом ее будущего мужа, художника Леонида Зыкова³. Никто не мог знать, что эта дружба пройдет через всю нашу жизнь и многое в ней будет согрето воспоминаниями о регулярных, прежде всего осенне-зимних, встречах в Комарово на маленькой даче Ахматовой, которая в ее стихах помечена как Будка. Так что портрет Ахматовой, упомянутый выше, не случаен в творчестве Кузьминского, он навеян и ее стихами, и

их личными встречами. Приведу воспоминания Аскольда о моменте его знакомства с нею:

«1961 год. Комарово. Идем мимо магазина, рынка, выходим на широкую улицу, ведущую к Щучьему озеру. Именно здесь Анюта познакомила меня с Ольгой Докторовой, моей судьбой на всю жизнь. Вот и «Будка». Открываем калитку. С крылечка величественно и торжественно спускается дама в китайском халате с рукавами-крыльями.

— Ахматова — шепчет Каминская. Робко подхожу.

Анюта знакомит.

— Это Аскольд.

— А отчество? — интересуется Анна Андреевна.

— Иванович, — дрожит мой голос.

— Может быть... Лучше, чем Роберт Иванович4 — это ужасно. Поэт обязан был сменить имя. Вы знаете о ком я говорю? Стало как-то легко... Все пошли пить чай».

Эта история извлечена мною из тоненькой малотиражной книжки, Кузьминского «Мемоіге» с подзаголовком — «Двести лет со дня рождения Александра Пушкина и сто десять лет со дня рождения Анны Ахматовой» [2]. Приведу полностью текст предисловия к этой книжке Ирины Николаевны Пуниной⁵, мамы Анны Каминской: «С 1956 года Ахматова проводила лето, а иногда и осень в Комарово, все больше привязывалась к этому месту. Дел и забот там хватало на всех, говорила она с хитринкой, — особенно, когда с 1962-63 годов поток посетителей стал расти в геометрической прогрессии. Аня Каминская и «сопровождающие ее лица» — как назвала ее друзей Анна Андреевна в одном из писем — часто бывали в Комарово. Они много помогали по хозяйству, привозили из Зеленогорска дрова, пилили и кололи их, растапливали дачу перед приездом хозяйки, убирали участок, привозили и отправляли почту.

По вечерам регулярно разжигали костер рядом с «лесной корягой», принесенной Каминской и Варварой Сперанской⁶ из леса. Анна Андреевна простодушно и с видимым удовольствием участвовала в нехитрых молодежных развлечениях, особенно в сидении у костра и чистке грибов.

Среди друзей Каминской был и Аскольд Кузьминский, в то время студент Художественно-графического училища. С тех пор прошло несколько десятилетий, Аскольд Иванович стал известным дизайнером и выполнил много работ в области книжной графики. Теперь Аскольд Иванович дебютирует в области литературы...» [2, с. 2].

Приведу рассказ Кузьминского о рождении в 1965 году его рисунка Ахматовой:

«Анна Андреевна как-то сказала, что ей надоели во всех изданиях одни и те же ее портреты (Альтман, Анненков и т. д.) Нет ли новых, молодых дарований.

Накануне мне был подарен “Реквием” (в машинописном варианте), я переплел его и на обложке нарисовал портрет автора.

На следующий день принес свое творение. Анна Андреевна долго рассматривала:

— Пожалуй, подпишу Вам “Реквием”, хотя никогда этого не делала. И этот портрет пригодится. И эти печальные брови».

Потом Ахматова уехала в Англию, потом в Москву, потом Анны Андреевны не стало...» [2 с. 5].

В этой книжке не только сюжеты-воспоминания, но и истории «под Хармса», написанные Кузьминским и сопровождаемые его веселыми рисунками. Ограничусь цитирование двух таких текстов:

«Встретились как-то Александр Христофорович Бенкендорф и Андрей Александрович Жданов.

— Пушкин совсем от рук отбился, — плачет шеф III отделения.

— А Вы, Александр Христофорович, создайте ЦК - «Царский Комитет» и примите «Постановление ЦК о журнале «Современник».

У нас, после Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» Ахматова до сих пор в обмороке, хихикнул Андрей Александрович.

— Благодарю Вас, товарищ Жданов, пожал Александр Христофорович руку Андрею Александровичу и на цыпочках поплыл в сторону кабинета Николая Павловича.

А в это время Пушкин и Ахматова встретились на вокзале в Москве.

— Вы куда, Александр Сергеевич?

— В Петербург, — тяжело вздохнул Александр Сергеевич.

— А я в Ленинград, — тяжело вздохнула Анна Андреевна».

«Помню как-то, сидит Ахматова на крылечке в Комарово, в окружении молодых поэтов. Они как мухи облепили ее, и все время просили на водку.

— У вас, Иосиф7, повадки нобелевского лауреата, - пошутила А.А. по поводу самого шустрого из них. А позже эта шутка дошла до короля Швеции. Александр Сергеевич долго сокрушался по этому поводу».

Заметная часть «Метоіге» рассказывает о похоронах Анны Ахматовой, которые состоялись 10 марта 1966 года; они включали в себя многолюдную панихиду в Никольском соборе, официальную гражданскую панихиду в Доме писателя и собственное погребение на кладбище в Комарово. Давно все это было, и с каждым годом становится все меньше очевидцев описываемых Кузьминским событий:

«В центральном нефе, ближе к алтарю, в Соборе Николы Морского стоял гроб. Мы сдерживали нахлынувшую толпу, сцепившись руками. Рядом со мною были Боря Докторов и Леня Зыков. Напор особенно мощным был до начала панихиды. Мы создали живой коридор — люди хоть как-то могли подойти к гробу, возложить цветы, поклониться. Перед выносом тела все затихли, расступились. Многие поехали на панихиду в Дом писателя. Мы же — в Комарово, готовить поминки. Женщины накрывали на стол, мужчины пошли на кладбище. Ждали Анну Андреевну Ахматову. Ждали долго. Уже темнело. Несли гроб и крест. Я и Андрей Львович Пунин⁸ шли с венком впереди процессии. Помню впервые увиденных мною Сергея Михалкова⁹ и Арсения Тарковского¹⁰. Когда выступал Тарковский, плакал. Меня это поразило. В «Будку» возвратились уже в темноте. Там священник отслужил молебен. Все стояли вокруг стола. Я оказался между Тарковским и Бродским. Выпили. Помянули. Возвращались на электричке. Молчали. Только однообразный стук колес и тихий говор пассажиров. Вдруг взрыв смеха. Я оглянулся: Найман¹¹, Бродский и Ардов¹² развлекали каких-то девиц. На душе было печально и одновременно торжественно. Таким я помню этот момент...».

Не знаю, писал ли это Аскольд по памяти или обращался к дневнику, но все именно так и было. Тогда мы не могли знать и, наверное, даже не предчувствовали, что со смертью Ахматовой заканчивался важный этап жизни всей нашей дружеской компании. На нас ни в коей мере не распространяется понятие «ахматовские сироты»¹³, оно — о другом. Но не стало «Будки», прекратились наши Комаровские встречи, закончилось время ранней молодости; во многом безрассудной, свободной, не угнетающе безденежной и не очень задумывающейся о завтрашнем дне.

Конечно, более всего о художнике говорят его произведения, но здесь невозможно показать много работ Кузьминского, поэтому я был вынужден цитировать «Метоіге», а теперь — немного еще об одной его книге, по-видимому, весьма дорогой ему. Она — о городе, в котором прошли его детство и юность и который он регулярно посещал, особенно в последние годы жизни; ее название — «Легенды и были города Грязовца». Кузьминский — ее автор и иллюстратор [3].

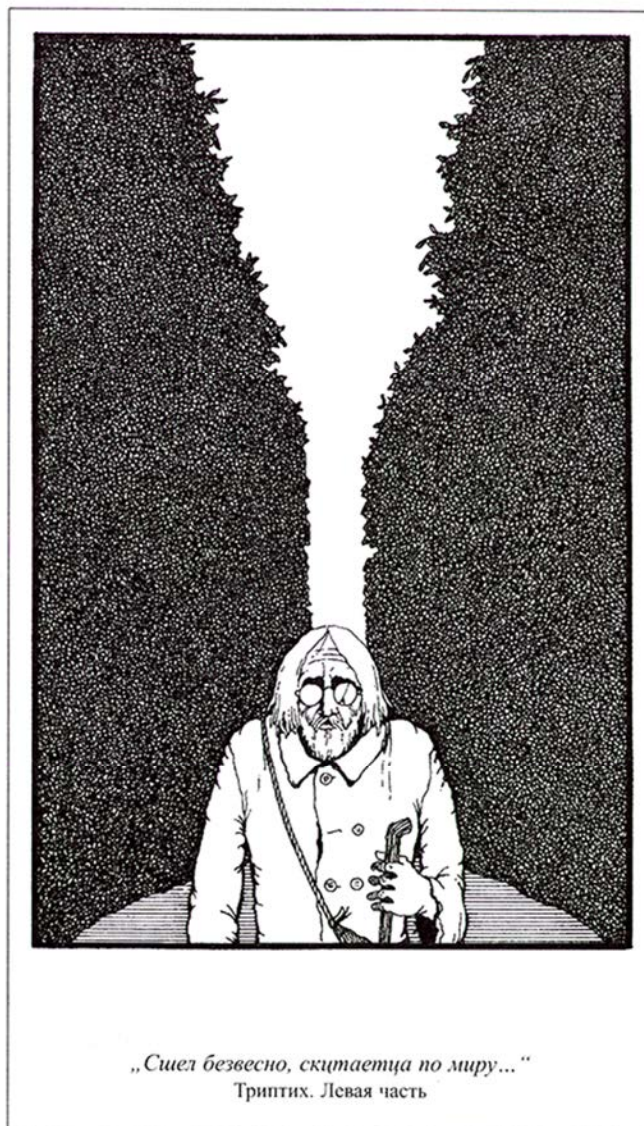
Книга открывается текстом Главы самоуправления Грязовецкого муниципального района В. И. Чуркова, это — признание в любви к городу и знак признательности к

человеку, подготовившему книгу о нем. Начинается предисловие словами: «Мой любимый Грязовец! Есть такой маленький, но самый главный для нескольких тысяч человек городок на московской дороге. Чтобы полюбить его всей душой, прирасти к нему всеми «корнями», иному вполне достаточно родиться в нем, провести здесь, скажем, детство и... навсегда обрести каким-то мистическим образом силу притяжения к нему». Далее говорится о том, что любовь к малой родине позволяет человеку осознать свою причастность к большой истории России. И в конце: «Книга, которую вы держите в руках, поможет вам понять это. Читайте, делайте открытия, узнавайте, вспоминайте прошлое, вдумывайтесь в настоящее, вглядывайтесь в будущее нашего Грязовца, грустите, улыбайтесь... и влюбляйтесь в него подобно тому, как произошло это с автором книги, петербуржцем Аскольдом Кузьминским и его грязовецкими помощниками» [3, с. 3].

Книга, действительно, познавательна и по-доброму иронична, это изложенные Кузьминским исторические факты и легенды о Грязовце, начиная с неолита и до наших дней. А завершается все коротким рассказом Аскольда «Пятый сон Веры Павловны, или город Грязовец в конце 3-го тысячелетия н. э.», ясное дело, написанным по мотивам романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». То обстоятельство, что Грязовец расположен на московской дороге, позволило Кузьминскому, соединив правду и вымысел, привести в городок Петра I и Екатерину Великую, Александра I и Наполеона, и, конечно же, А. С. Пушкина.

Но центральной фигурой книги Кузьминский сделал поэта Василия Ивановича Сиротина (1830 — не ранее 1885), родившегося в Грязовце и прожившего трагическую, скитальческую жизнь. Самое известное его стихотворение, дошедшее до нынешнего времени, — «Улица, улица, ты, брат, пьяна». Никаких изображений Сиротина не сохранилось, но Кузьминский в своей книге посвятил ему триптих: по бесконечной дороге идет пожилой, усталый путник. В жизни Сиротина — неровной, обремененной классической русской болезнью многих творческих личностей — Аскольд увидел то немалое, что роднило их, и он изобразил в поэте себя.

Незадолго до смерти Кузьминский составил и оформил первую книгу Сиротина. В нее включены автобиографическая поэма «Исповедь», стихотворения «Летний вечер», «Ливанские кедры», «Питейный», известнейшее — «Улица, улица, ты, брат, пьяна» и ряд других. В нее также вошли биографические материалы о Сиротине и свыше 20 иллюстраций Кузьминского. Эта книга должна была стать полным собранием сочинений Сиротина. Но пока эта задумка не реализована.

Однако не хочется заканчивать рассказ о Кузьминском на грустной ноте. Он не был «буйным оптимистом», скорее «умеренным пессимистом». Но что безусловно, он обладал чувством юмора, веселой импровизации. Потому в заключении приведу еще одну «хармсовскую» историю Аскольда:

«Однажды, в рюмочную на улице Красной Конницы врывается Пушкин. А очередь, надо сказать, была преогромная.

— Господа! Спешу к Ахматовой. Можно без очереди?!

Я заказал ему 150 с килечкой.

— Поднимем стаканы,

Содвинем их разом!

Экспромт все бурно одобрили.

В тот вечер Пушкин так и не встретился с А. А., хотя жила она этажом выше».

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б. О Лидии Коновой, спасающей от забвения <<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sberezhenie-pamyati-o-leningradskih-hudozhnikah>>
2. Кузьминский А. И. Мемуаре. 200 лет со дня рождения Александра Пушкина. 110 лет со дня рождения Анны Ахматовой — СПб.: Издательство альманаха Санкт-Петербург, 2000.
3. Кузьминский А.И. Легенды и были города Грязовца. — СПб.: «Историческая иллюстрация», 2001.

¹ Кузьминская (Докторова) Ольга Зусмановна (1941-2012) — свыше сорока лет проработала экскурсоводом в Государственном Эрмитаже.

² Каминская Анна Генриховна — кандидат искусствоведения, доцент Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица.

³ Зыков Леонид Александрович (1940–2001) — живописец, график, мемуарист.

⁴ Рождественский Роберт Иванович (1932 - 1994) — советский поэт, переводчик.

⁵ Пунина Ирина Николаевна (1921–2003) — кандидат искусствоведения, многие годы преподавала в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете.

⁶ Сперанская Варвара Сергеевна — кандидат искусствоведения, профессор. зав. кафедрой теории и истории архитектуры и искусств Санкт-Петербургской Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица

⁷ Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — русский и американский поэт, эссеист, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе.

⁸ Андрей Львович Пунин — историк архитектуры, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории архитектуры Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

⁹ Михалков Сергей Владимирович (1913 – 2009) — советский / российский писатель, поэт.

¹⁰ Арсений Александрович Тарковский (1907— 1989) — советский поэт и переводчик.

¹¹ Анатолий Генрихович Найман (род.1936) — поэт , переводчик, мемуарист.

¹² Михаил Викторович Ардов (род. 1937) — писатель, публицист и мемуарист; клирик неканонической Российской православной автономной церкви, протоиерей.

¹³ Ахматовские сироты – четверо поэтов из близкого окружения А. А. Ахматовой: И. А. Бродский, Дмитрий Васильевич Бобышев (род.1936), А. Г. Найман и Евгений Борисович Рейн (1935).